в разделе «домовые церкви» она упомянута в ружных книгах за 1722 и 1727 гг. и показана как находящаяся в Земляном городе Москвы.[7] Нахождение ее здесь косвенно подтверждается Переписными книгами Москвы 1665—1676 гг., согласно которым дворы этой княжеской ветви Одоевских располагались преимущественно в Земляном городе. А двор деда Юрия Михайловича, Никиты Ивановича Одоевского, находился «в Земляном городе от Смоленской улицы направо по Тверскую».[8] Где-то здесь, очевидно, поблизости, если не рядом, не под одним забором, стоял и двор его внука, поэтому-то, возможно, и не попавший в Переписные книги отдельно. Тут же, неподалеку, в Земляном городе, жил сын Н. И. Одоевского, Яков: за Тверскими воротами, на стыке Неглинной и Стретенской улиц.[9]

Таким образом, приведенная выше вкладная запись на сборнике № 35 из коллекции Ф. А. Каликина определенно связана с именем Ю. М. Одоевского и сделана если не им самим, то кем-нибудь из его семейных или слуг, в промежутке между 8 июня 1676 г. (время пожалования его в бояре) и 6 декабря 1685 г. (дата его смерти). А когда в XVII в. написан сам сборник? Кстати сказать, этот вопрос по-настоящему еще не ставился исследователями рукописи. Л. Д. Лихачева в названной выше статье по бумаге отнесла ее к началу XVII в. Нижняя граница написания ныне известна — 1685 г. Не поможет ли теперь раскрытие лица вкладчика более точному определению времени создания сборника и обстоятельств, при которых он появился на свет?

Мне кажется, что сейчас, когда стало ясно, о ком идет речь в этой записи XVII в., вполне правомерным может быть предположение об изготовлении сборника для Ю. М. Одоевского в Новгороде, в бытность его местным воеводой в 1678—1680 гг. За это как будто бы говорит и специфическая, новгородская, тематика его, и иллюстрации, похожие по своему исполнению на рисунки в безусловно новгородского происхождения лицевой рукописи того же времени, находящейся в Софийском собрании ГПБ.[10] Добротность письма, неплохое художественное оформление свидетельствуют также о том, что рукопись предназначалась не для обычного заказчика. Что же касается почерка и водяных знаков рукописи, то они не противоречат этому времени, а, наоборот, являются характерными для него.[11]

Первая часть сборника, содержащая полную службу, повесть, сказание и два похвальных «слова» знамению новгородской иконы богоматери, говорит о том, что он с самого начала предусматривался для употребления в церкви Знамения богородицы. Имея у себя на дворе

---

[7] ГИМ. Отдел письменных источников, ф. 465 (М. И. Александровского), № 8 (выписки из разных ружных книг XVII—XVIII вв.), лл. 55—56, 251 и др. За помощь в знакомстве с материалами архива М. И. Александровского сердечно благодарю С. Й. Сакович и М. Г. Рабиновича.

[8] Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. М., 1886, стлб. 138.

[9] Переписные книги..., стлб. 57.

[10] ГПБ, Софийское собр., № 1430. Почерк этой рукописи также местами сходен с почерком сборника. Не спешным ли отъездом Ю. М. Одоевского из Новгорода объясняется некоторая незавершенность художественного оформления сборника? Не изготовлена ли рукопись дворовым человеком Одоевских «золотописцем» Дмитрием Квачевским, опытным писцом и рисовальщиком, не раз привлекавшимся для подобных работ даже в Оружейную палату. См. в кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961, стр. 395, 398, 399, 403, 404.

[11] Филиграни рукописи: «шут с пятью бубенцами и буквы МР», «шут с семью бубенцами и буквы НІВ, ІД», «двуглавый орел под короной, с рожком посредине» (лл. 272—275). Подобные водяные знаки характерны для рукописей последней четверти XVII в.